

Трибуна ономатолога

DOI 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.031

УДК 81'373.23:811.161.1

Б. Ю. Норман*

Н. Райнохова**

*Белорусский государственный университет

Минск, Белоруссия

**Карлов университет

Прага, Чехия

ОТЧЕСТВО КАК ОДИН ИЗ СИМВОЛОВ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Целью статьи является определение места отчества (патронима) в системе русского антропонимикона и изучение развития его функций в современном обществе. Все функции патронимов демонстрируются на примерах из художественной литературы и публицистики, при этом значительная часть фактического материала выбрана из «Национального корпуса русского языка» и (в сопоставлении) из «Чешского национального корпуса». Показывается, что использование или избегание отчества в русскоязычном общении имеет важный социолингвистический и прагматический аспекты. С помощью патронима говорящий может выстраивать отношения в микроколлективе и регулировать развитие диалога. В статье анализируются особые коммуникативные ситуации, в частности: стремление скрыть неблагозвучное или «опасное» отчество, опущение патронима в творческой среде (музыканты, художники, артисты и т. д.), возможность обращения «только по отчеству» и т. п. Особый интерес представляет восприятие русского отчества в иноязычной среде (случаи адаптации отчества, его неприятия, трансформаций и т. п.). В качестве основных функций отчества в статье выделяются: национально идентифицирующая (признак русскости); собственно патронимическая (отсылка к отцу и к патриархальной культуре); матурационная (признак взрослости); статусная (признак положения в обществе); гонорификативная (признак уважения); дифференцирующая (признак, различающий тезок и однофамильцев); конспиративная (маскировка истинной родословной). Анализируется также использование патронимической словообразовательной

© Норман Б. Ю., Райнохова Н., 2020

модели для создания прозвищ, прагматонимов и эргонимов. Последние случаи (настойка «Ерофеич», пельмени «Сам Самыч», семечки «Семеновна», магазин стройматериалов «Петрович» и т. п.) по-своему свидетельствуют, что отчеству в русской языковой картине мира присуща позитивная коннотация.

К л ю ч е в ы е с л о в а: отчество, антропонимикон, русская культура, адаптация патронима, функции патронима, хеджинг, прагматика.

Отчество представляет собой важную часть полного (трехкомпонентного) русского имени. Культурно-исторические предпосылки появления отчеств на Руси хорошо известны. Это эпоха патриархата, выстраивающая «вертикальные» отношения в семье по отцовской линии: мать ребенка всегда известна, а отец должен быть документально установлен, именно он, кормилец и глава семьи, несет ответственность за судьбу ребенка. Признание ребенка родным влияет на распределение обязанностей в семье, на наследование имущества и т. п. Причем долгое время отчество, возникшее раньше фамилии (как ответ на вопрос: «Чей?»), было привилегией знатных и состоятельных людей [Суперанская, Сулова, 1981, 15–18; и др.]. Сначала оно имело вид притяжательного прилагательного (*сын Михалев, Андреев сын*), затем к нему стал прибавляться специальный суффикс *-ич* для мужчин и *-иц* для женщин (причем для его использования тоже требовалось высокое разрешение).

В современном обществе отчество (патроним) приобретает ряд новых функций, существенных для русскоязычного речевого этикета и находящихся свое отражение в художественной литературе и публицистике [ср.: Кронгауз, 2004]. Дальнейшее изложение будет иллюстрироваться примерами именно из этих источников, в основном цитатами, извлеченными из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ]. Для сопоставления, чтобы показать восприятие русских отчеств носителями иной культуры, будет использоваться материал из «Чешского национального корпуса» [СНК].

Итак, нас будет интересовать место отчества в системе русского антропонимикона. Начнем с представления об истории этих имен, которое присутствует в массовом сознании, и приведем цитату из журнала «Наука и жизнь» за 2009 г.:

За какие-то двадцать лет они прошли всю Сибирь, строя по пути городки и остроги — небольшие укрепленные поселения. В 1639 году, при царе Михаиле Федоровиче, казака Ивана Юрьева Москвитина (Юрьев — отчество, а не фамилия; с окончанием «вич» в те времена и еще долго после писали отчество только у знатных людей) с отрядом послали из Томска «на море-окиян» <А. Алексеев. Как казаки в Сибири ясак собирали>.

Отчество как признак социального статуса его носителя сохраняется в русском обществе до сих пор. Однако сегодня это — лишь одна из многообразных семиотических и символических функций патронима. Рассмотрим их подробнее.

Прежде всего отчество — знак исконной или приобретенной «русскости». Именно этим оно выделяется в ряду других — нерусских — имен. Так, в следующем чешском контексте перечисляются классики исторического романа, представители разных культур, и отчества Толстого и Пушкина играют тут свою роль:

Právě s tím souvisí popularita historického románu, který se zhruba od počátku devatenáctého století stává díky autorům, jako byli Walter Scott, Henryk Sienkiewicz, Victor Hugo, Alexandre Dumas, Honoré de Balzac, Lev Nikolajevič Tolstoj, Alexandr Sergejevič Puškin, a u nás Alois Jirásek, Václav Beneš Třebízský a Zikmund Winter, v Evropě významným literárním žánrem («Именно с этим связана популярность исторического романа, который приблизительно с начала XIX века становится в Европе значительным литературным жанром благодаря таким авторам, как Вальтер Скотт, Генрик Сенкевич, Виктор Гюго, Александр Дюма, Оноре де Бальзак, Лев Николаевич Толстой, Александр Сергеевич Пушкин, а у нас — Алоис Йирасек, Вацлав Бенеш Тржебизский и Зигмунд Винтер») <M. Ibuse. Na vlnách>.

А в следующей цитате мужчина, бесцеремонно вторгшийся в комнату, представляется как *Аркадий Иванович Новиков*, и отчество — один из компонентов, которые с очевидностью выдают в нем русского:

Za ním se do pokoje sunul dvoumetrový holohlavý obr v černém tričku, se zlatým řetězem kolem krku. Obr zůstal stát u dveří. Muž v obleku se představil jako Arkadij Ivanovič Novikov a bez vybízení se posadil do křesla u televize. “Nevzpomínám si, že bychom měli kdy tu čest” poznamenal nervózně Mariani («За ним в комнату просовывался двухметровый лысый великан в черной майке, с золотой цепью на шее. Великан остался в дверях. Мужчина в костюме представился Аркадием Ивановичем Новиковым и без позволения сел в кресло возле телевизора. “Не припоминаю, чтобы мы были знакомы”, — нервно заметил Мариани») <T. Klvaňa. Marina>.

Особенно важно отчество как символ «обруселости» для человека, имя и фамилия которого не дают оснований считать его русским. Литературный пример:

Герман Иванович Буш, пожилой, застенчивый, крепкого сложения, симпатичный рижанин, похожий лицом на Бетховена, сел за столик ампир, гулко откашлялся, развернул рукопись... <В. Набоков. Дар>.

Наличие у Германа Буша отчества *Иванович* заставляет читателя предположить, что этот латыш (или немец) либо жил в Латвии, когда та входила в состав Российской империи (до 1918 г.), либо в данный момент попал в русскоязычное общество и не хочет в нем выделяться своим происхождением. Это своего рода языковая мимикрия, сопряженная с подстраховкой: человеку нужно, чтобы его признали за «своего». В современной лингвистике набирает популярность термин *хеджинг*: это значит «языковой конформизм», осторожность в высказываниях,

речевое самоограничение. Использование отчества может иметь к этому отношение.

Впрочем, как отмечает А. Е. Супрун, и «полноценный» иностранец в общении с русскими может подстраиваться под правила русского антропонимикона и называть себя по имени-отчеству, например *Рейнгольд Иосифович Олеш* [Супрун, 1993, 46]. Такое проявление речевой эмпатии не просто облегчает собеседнику общение, но и способствует формированию комфортной атмосферы диалога.

В очередном примере из «Чешского национального корпуса» героиня объясняет мотивы выбора своего имени *Ольга* славянофильскими симпатиями отца; но и упоминаемое здесь же отчество поддерживает эти ассоциации:

“Proč se vlastně jmenuješ Olga?” zeptal se jí. “To není běžné ani ve tvých kruzích.” “Otec je slavjanofil, přečetl spoustu ruských románů. Krom toho nějaká velkokněžna Olga Ivanovna zaměstnávala jeho dědečka jako správce pivovaru” («Почему, собственно, тебя зовут Ольга? — спросил он у нее. — Это редкое имя даже в твоём кругу”. — “Отец был славянофилом, прочитал массу русских романов. Кроме того, некая княгиня Ольга Ивановна дала его дедушке место директора пивоварни”») <J. Moník. Psi bez rodokmenu>.

Во времена как Российской империи, так и Советского Союза (да и позже) огромные массы людей мигрировали с национальных окраин в центр, в Россию. Естественно, при этом иммигранты стремились приобрести, среди прочих социальных благ, и языковой бонус — отчество. Пример:

Он позвал, конечно, отца, дядю Максима и двоюродного дядю Петра (обоих с женами), пригласил дедушку Тимура Саламовича (тот давно уже перестал русифицировать свое отчество), пригласил сестру Радугу... <А. Слаповский. Большая Книга Перемен>.

Отсылка через отчество к имени отца — казалось бы, прямая, с о б с т в е н н о п а т р о н и м и ч е с к а я, ф у н к ц и я. Однако она имеет социально обусловленные прагматические аспекты. В частности, отчество может быть предметом гордости и профессиональной рекламы, намекая на известную династию с вековым укладом. Об этом речь в следующей цитате:

Коллекционеры до сих пор по старой памяти обращаются к Алексею Юрьевичу Четвертому, наследнику и достойному продолжателю дела предков, представителю восьмого поколения ювелиров Сотниковых, трое из которых носили имя Юрий Алексеевич, четверо были Алексеями Юрьевичами, и только самый первый представитель династии, Юрий Сотников, носил отчество Данилович. Передача имени старшему сыну была такой же традицией в семье, как и многое другое, например пожелание, чтобы дети вступали в брак не позже 25 лет <А. Маринина. Последний рассвет>.

Чередовавшие в семье отчества — *Алексеевич* и *Юрьевич*, — по мысли автора, поддерживали и укрепляли династию.

В то же время отчество может таить в себе определенную опасность, в частности напоминать о репрессированном отце или отце-преступнике. В следующем контексте отчество было дано мальчику ненастоящее, с конспиративной целью:

Во всяком случае, ни в Рыбинском, ни в Угличском, ни в Ярославском архиве Голубев ничего похожего на него пока не обнаружил.

— Значит, мать дала вам отчество для... маскировки? — запнувшись, произнес Задохин, отвлекая его от мыслей.

— Да, я и сам не понимаю пока, вижу только, как и вы, что изображен на вашей и моей фотографии один человек, чем-то на меня похожий, арестованный в то же время, что и отец мой, тогда же расстрелянный <М. Кучерская. Тетя Мотя>.

О подобной ситуации говорится и в следующем примере:

10-летнего Артура взял на воспитание Сергей Герасимов. Мальчик даже принял отчество — Сергеевич. Окончив школу в 1949 году, А. Макаров поступил в Ленинградский литературный институт, который он закончил с отличием <А. Василенко. «Трудные дети» любимых актеров>.

Встречаются среди отчеств редкие, устаревшие, неблагозвучные, наводящие на ненужные ассоциации и т. п. Окружающие обращают на них внимание, так или иначе обыгрывают, комментируют; носители отчеств к этому готовы, но в общем это им не нравится. Это — очередной прагматингвистический аспект проблемы. Приведем ряд примеров:

Что, собственно, побудило Двигубского дать этой так неожиданно возникающей в повести, в жизни героя, в слепящей гостиной Лидиной тетке и подруге Гришиной бабушки — не совсем обыкновенное имя, точнее — отчество, Вера Филаретовна, я не знаю, и Света не знает тоже, Марина, сестра П. Д., не отвечает на мои письма. Григорий, пишет Двигубский, обожал ее в детстве за это фиолетовое, необыкновенное отчество <А. Макушинский. Город в долине>;

Коля Курочкин сообщил мне, что сегодня в шесть у него свидание с Региной, а потом сказал:

— Представляешь, Маша, по материалу с девочкой Мальвиной Вальчук: звоню я ее дяде Игорю, спрашиваю перед этим, как дядино отчество, она говорит: «Валерьянович». Я думаю: эх дядю-то угораздило! Звоню этому самому Игорю Валерьяновичу... <Г. Жаворонков. Мишка, могильщик уныния>;

И сам капризный, и голос у него неприятно-скрипучий, ужас-ужас. Разве что отчество прикольное: Бедросович, нравится мне до умопомрачения!! <Д. Бавильский, И. Манцов. Инте-инте-интерес, выходи на букву «с»>;

Надо было извиниться срочно, немедленно, сию секунду! Звали Лопатина Валерий, а отчество у него было, как в пьесах Островского, — Африканович. Лидия поняла, что не сможет выговорить «Африканыча», не расхохотавшись в полный голос <О. Некрасова. Платит последний>;

«Минкин», — ответил мой сосед слабым голосом. «Имя и отчество?» — «Адольф Иосифович». Докторша отложила ручку и долго с удивлением рассматривала большого, которого только что обследовала <А. Городницкий. И жить еще надежде>.

Обладатели неблагозвучных или «неудобных» отчеств нередко пытаются их заменить или просто избежать их употребления. Это тоже своего рода хеджинг. Особо следует сказать о евреях, старавшихся в условиях антисемитизма не выпячивать или даже замалчивать свое отчество:

На эстраде, скажем, работали знаменитые куплетисты Шуров и Рыкунин. Шуров на двадцать лет старше, но обращается к Рыкунину «Николай Николаевич», а тот ему в ответ: Александр — чтобы не произносить отчество: Израилевич <И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий>.

Сравним с приведенной ситуацией, в которой говорящий особенно осторожен в обращении с «опасным» отчеством, потому что боится затронуть национальные интересы партнера:

Даже меня — я вздохнул, осознавая всю тяжесть совершенного проступка. Васса окончательно успокоилась и перестала кидать подозрительные взгляды на Льва Залмановича (только бы не перепутать отчество!) <А. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее>.

Теми же причинами обусловлены многочисленные случаи, когда исконные еврейские отчества заменялись на созвучные славянские: вместо *Лейбович* использовалось *Леонидович*, вместо *Срулевич* — *Сергеевич*, вместо *Борухович* — *Борисович*, вместо *Израилевич* — *Игоревич* и т. п. В этом также можно усматривать преломление конспиративной функции отчества.

Наконец, упомянем о ситуации, когда отец ребенка вообще неизвестен или же мать не хочет обнародовать его имя (тогда в соответствующей графе документа о рождении будет стоять прочерк или будет вписано любое отчество). «Безотцовщина» в лингвистическом плане очень неудобна: русскоязычное общество требует наличия всех трех компонентов имени (особенно это касается официальных ситуаций):

Матерью его была некая Алена Костякова из мещанского сословия, вместо отца прочерк. Откуда взялось при этом отчество, непонятно. Видимо, со слов матери. Сама Алена Костякова больше нигде не значилась, отчества ее не зафиксировали, непонятно, в какой линии каких Костяковых ее искать <А. Слаповский. Большая Книга Перемен>.

Номинативная адаптация лица иностранного происхождения в России тоже представляет собой проблему:

Как вскоре выяснилось, она россиянка не только по гражданству, а — по сути. Джейн, например, обижена на то, что в ее паспорте в графе «отчество» — прочерк.

— Отец мой — Джордж, то есть Георг, значит, я Джейн Георгиевна. Можно ли, скажите, жить в России только с именем, без отчества? <А. Калиниченко. Иммигрантка>.

Однако отчество может сознательно опускаться в речи по совершенно иным социолингвистическим причинам. В публичных сферах, где ценятся способности, талант, оригинальность, — генетика, происхождение человека отходят на второй план. И артисты, художники, музыканты, писатели, как правило, ограничивают свое именование двумя компонентами: именем и фамилией (а иногда отказываются и от того, и от другого в пользу творческого псевдонима). Отчество, скажем, Александра Вертинского, Валерия Брюсова, Исаака Левитана, Андрея Платонова, Дмитрия Шостаковича, Сергея Довлатова и других видных деятелей русской культуры остается, как правило, «за кадром».

Чрезвычайно показательны в этом свете традиции именования политиков и общественных деятелей. В советские времена невозможно было сказать или написать о Хрущеве — *Никита Хрущев* или о Брежневе — *Леонид Брежнев*, это позволяли себе только западные политики или журналисты. По-русски же обязательно требовалось сказать *Никита Сергеевич (Хрущев)*, *Леонид Ильич (Брежнев)*. Только после развала СССР и некоторой демократизации жизни на постсоветском пространстве стали возможны двучленные номинации типа *Леонид Брежнев* или *Владимир Путин*. Феномен «отречения от отчества», несомненно, спровоцирован влиянием западноевропейских языков [Норман, 2017, 205].

Очень интересен факт конкуренции трехкомпонентного официального именования (имя — отчество — фамилия: *Виктор Петрович Крамко*) и двухкомпонентного (имя — фамилия: *Виктор Крамко*) на территории современной Белоруссии. Первая модель, господствовавшая фактически на протяжении XX в., сегодня воспринимается национально ориентированными кругами как «советизм» или «русизм». Вторая же, согласно которой белорусскому антропонимикону отчества не свойственны, ориентирована на западную, прежде всего польскую, культуру [Норман, 2004, 62]. Это неявное противостояние связывается на территории республики с существованием двух языковых норм (прежде всего орфографических): «наркомовки», восходящей к орфографической реформе 1933 г. и сближающей белорусский язык с русским, и «тарашкевицы», названной так по имени белорусского языковеда Б. Тарашкевича. Социолингвистическая подоплека конкуренции двух моделей полного имени в Белоруссии очевидна.

Отчество — несомненный признак зрелости. «Вступление» в отчество подобно обряду инициации у древних племен. Поэтому данную функцию патронима мы назовем *м а т у р а ц и о н н о й* (от англ. *maturation* ‘созревание, взросление’). В следующем примере дается неодобрительная оценка взрослому мужчине, который представляется как мальчишка:

Да и какой он Мишка, ему уже за пятьдесят. Его бы по отчеству, но отчество его мало кто знает. А сам он так и представляется: «Мишка». Он успел поучиться в разных институтах, даже в литературном <Г. Жаворонков. Мишка, могильщик уныния>.

С взрослением (хотя и необязательно) связывается приобретение человеком определенного общественного статуса. Это касается прежде всего публичной сферы жизни: политики, экономики, науки, образования и т. п. Именно здесь четко прописывается с т а т у с н а я ф у н к ц и я патронима: она призвана поддерживать субординацию между участниками коммуникации. В одном из рассказов А. П. Чехова главный герой — нищий сапожник и пьяница — продает душу черту. И, став барином («точно генерал какой-нибудь или граф»), он, до тех пор именовавшийся только Федором, тотчас приобретает отчество:

После обеда явился черт в синих очках и спросил, низко кланяясь:

— Довольны ли вы обедом, Федор Пантелеич? <А. П. Чехов. Сапожник и нечистая сила>.

Естественное для русского студента обращение к преподавателю по имени-отчеству (*Валерий Михайлович, Наталья Вадимовна* и т. п.) трудно усваивается европейским студентом, обучающимся русскому языку, — для него привычна иная форма обращения (так, в чешской среде — *pan profesor, pani doktorka* и т. п.). Неслучайно в пособии, предназначенном для чешского читателя, про сочетание имени и отчества говорится: «Этой формы нет в чешском языке, и чехи, как и все другие иностранцы, сначала испытывают трудности и известную неуверенность при ее употреблении. Поэтому с самого начала следует уделить достаточное внимание выработке навыка такого обращения» [Формановская, Тучны, 1986, 51].

Статус устанавливается не только согласно какой-то общепринятой «табели о рангах», но и в соответствии с договоренностью конкретных партнеров по общению. Так, в следующей цитате домработница требует, чтобы ее именовали по имени-отчеству:

Я приветливо улыбнулась.

— Елена, помощник Павла Львовича.

— А-а-а, — протянула дама, — слышана.

— Вы, наверное, Римма? — предположила я.

— Правильно, — царственно кивнула домработница, не преминув поправить меня: — Римма Сергеевна. Что вы хотите? <Д. Донцова. Фанера Миловская>.

Вместе с тем следует признать, что в русскоязычном общении встречаются ситуации, когда оппозиция «имя и отчество vs. просто имя» нейтрализуется, ср.:

— Алла Ивановна, — представилась Алла.

— Обязательно по отчеству?

— Как угодно <Т. Устинова. Ковчег Марка>.

Близка к предыдущей гонорификативная функция — это отчество как средство выражения уважения. Так, в следующем примере молодого врача, еще не заслужившего себе особого авторитета, коллеги именуют по имени-отчеству, что его приводит в смущение. Но такова корпоративная этика:

Что-то было забавное в том, что совсем еще молодого парня, больше похожего на вышколенного японского клерка, чем на врача, даже старшие коллеги называют с преувеличенным уважением. Да и само имя-отчество тоже представлялось забавным. Тит смущался и даже как-то раз попросил:

— Мужики, да что вы ко мне с таким уж пиететом: «Тит Петрович да Тит Петрович!» <А. Моторов. Преступление доктора Паровозова>.

Своеобразно проявляется гонорификативная функция отчества и за пределами русской культуры. Например, в следующем отрывке из чешского текста «великий русский революционер Герцен» назван по имени-отчеству, в то время как для анархиста Бакунина хватило и фамилии:

Roku 1859 se mu podaří přesídlit do Londýna. Láká ho tam postava velkého ruského revolucionáře Alexandra Ivanoviče Gercena. S Rusy má své zkušenosti. Už v Praze spolupracoval s anarchistou Bakuninem, který snil o všeevropské revoluci, jež by měla začít právě v Čechách («В 1859 году ему удается перебраться в Лондон. Привлекает его там фигура великого русского революционера Александра Ивановича Герцена. С русскими у него свои отношения. Еще в Праге он сотрудничал с анархистом Бакуниным, который мечтал о всевропейской революции, которая должна была начаться именно в Чехии») <V. Cílek. Prohlédni si tu zemi>.

Представляет интерес и пример, в котором идет речь о Елене Блаватской — известной в XIX в. теософке и прорицательнице (большую часть жизни она провела в путешествиях, за рубежом). Любопытно, что в России сегодня отчество Блаватской (*Петровна*) уже не помнят. Перед нами в тексте — знак особого уважения к личности:

V té době už každopádně vzrůstal náš zájem o theosofii, to ještě žila její zakladatelka Helena Petrovna Blavatská, kterou jsem, jak víte, také později překládal. Imponovala nám tehdy ta tři hesla Theosofické společnosti: konečné sbratření všech ras a národů, harmonie náboženství, vědy a filosofie a odstranění zla z tohoto světa («Конечно, в то время в нас рос интерес к теософии, тогда еще была жива ее основательница Елена Петровна Блаватская, которую я, как вы знаете, позже переводил. Нам тогда imponировали три лозунга Теософского общества: окончательное братство всех рас и народов, гармония религии, науки и философии, а также искоренение зла в этом мире») <J. Němec. Dějiny světla>.

А в следующем отрывке через употребление имени-отчества выражается особый пиетет к личности графа Уварова — президента Императорской академии наук и министра народного просвещения:

Uvarovit poprvé popsal roku 1832 německý badatel H. von Hess, pojmenován byl po prezidentu ruské Akademie věd hraběti Sergeji Semjonovičovi Uvarovi. Uvarovit se nachází v asociaci s chromity, ultrabaziky, serpentinity a ostatními chromem bohatými horninami («Уваровит был впервые описан в 1832 году немецким исследователем Г. фон Гессом. Назван был так в честь президента Российской академии наук, графа Сергея Семеновича Уварова. Уваровит близок по качеству к хромитам, метаморфическими породам, серпентинитам и другим породам, богатым хромом») <R. Nanus (et al.). Český granát>.

В соответствии с упомянутыми функциями — матурационной, статусной, гонорификативной — в народном сознании сохраняется представление о том, что отчество надо заслужить, «заработать». Вернемся к русским примерам:

Девушка она была умная и прекрасно отдавала себе отчет в том, что отчество надо еще заслужить! Отчество приходит со знанием ремесла, с чувством юмора и с умением ориентироваться в уместности того или иного действия... <Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений»>;

Соответственно, мое полное имя Максимус Раульевич Семипятницкий. Хотя по отчеству меня никто не называет: как говорят в таких случаях, на отчество я не заработал. Наши далекие родственники носят фамилию Сайфиддулиных. Имена Рауль и Эмиль французские, насколько я могу знать, но, каким бы странным это вам ни показалось, они чрезвычайно популярны именно среди российских татар <Г. Садулаев. Таблетка>.

Как известно, отчество в России может выступать и в качестве самостоятельного обращения (во втором лице) или именованя (в третьем лице): *Семенович, Трофимыч, Петровна*. Сегодня такое использование патронима выглядит довольно патриархально, но нельзя сказать, что оно исчезает совсем. Здесь присутствует должная доля уважения (обычно к немолодому человеку) и вместе с тем «свойское», запанибратское отношение [Норман, 2017, 204]. Для определенной социальной категории лиц это вполне живой факт речи, ср.:

Один очень рослый родственник Серегин, дядя Егор, наклонился к Сереге, к уху, спросил:

— Как ее величать?

— Никаноровна. Клавдия Никаноровна <В. Шукшин. Беспалый>.

Здесь персонаж по имени *Серегин* сначала приводит общераспространенное название (видимо, все в деревне называют женщину по отчеству: *Никаноровна*), а потом, спохватившись, поправляется и приводит полное — «для посторонних» — имя и отчество.

Автономное использование отчества (патронима) характеризует также определенную региональную или профессиональную среду, о чем свидетельствует следующая цитата:

На Камчатке, по крайней мере в рыбной отрасли, — наваждение отчеств, словно по невесть как возрожденному партийному ритуалу: по отчеству и на *ты*, заочно тоже. Прямые и косвенные апелляции к Артемычу, Миронычу, Карлычу, Василичу, Арменакычу, Эвальдычу даже <П. Вайль. Карта Родины>.

Составляя важную психологическую и этическую часть русской культуры, отчество может приобретать в современном обществе совершенно новые, особые прагматические функции. В частности, в молодежной среде встречаются ситуации, когда отчество (или слово, образованное по патронимической модели) используется как жаргонное наименование, как кличка, причем нередко производная от имени или фамилии. Например, в «Большом словаре русских прозвищ» Х. Вальтера и В. М. Мокиенко зафиксированы: *Валерыч* — от *Валера*, *Валерий*; *Никодимыч* — прозвище молодого человека по фамилии *Никодимов*; *Михалыч* — прозвище человека по фамилии *Михайлов*; *Костыч* — прозвище костлявого, сухощавого человека; *Козырич* — франт, щеголь; *Гальванидыч* — учитель физики; *Обкомыч* — Геннадий Андреевич Зюганов; *Хоттабыч* — секретарь ректора и др. [Вальтер, Мокиенко, 2007].

Более того, та же словообразовательная модель в русской речи начинает использоваться в качестве прагматонима (торговой марки) или эргонима (названия учреждения, делового объединения): появляются журнал «*Огородыч*», почвосмесь «*Грунтович*», семечки «*Семеновна*», пельмени «*Сам Самыч*», магазин стройматериалов «*Петрович*», автосервис «*Механыч*», фирма «*Копирыч*» и т. п. Началась эта тенденция, видимо, с настойки «*Ерофеич*» (еще в царские времена [см.: Феоктистова, 2017]), но постепенно распространяется на иные виды товаров. Подмосковный кондитерский комбинат «Озерский сувенир» запустил в производство целую серию конфет «*Фруктовичи*», среди которых и «*Изюм Васильевич*», и «*Курага Петровна*», и «*Чернослив Михайлович*», и «*Клубника Николаевна*»... Значит, в глубине языкового сознания отчество как языковой знак сохраняет положительную коннотацию, хотя его социальная значимость постепенно размывается.

Наконец, стоит упомянуть еще об одной функции патронима, которую нередко называют среди первых. Это д и ф ф е р е н ц и а л ь н а я ф у н к ц и я. Отчество помогает различать однофамильцев и тезок. Самый известный в России пример — писатели *Лев Николаевич Толстой*, *Алексей Константинович Толстой* и *Алексей Николаевич Толстой*. Не менее показательный случай — семья художников, философов и общественных деятелей Рерихов. *Рерих Николай Константинович* — художник, философ, общественный деятель. Его жена, *Елена Ивановна Рерих*, — религиозный философ, писательница. Их дети — *Юрий Николаевич Рерих* — лингвист, востоковед, искусствовед, *Святослав Николаевич Рерих* — художник. Использование имени и отчества или хотя бы инициалов позволяет избежать ненужной путаницы.

Таким образом, в современном русскоязычном обществе отчество выполняет целый ряд символических функций. Среди них:

- национально идентифицирующая (признак русскости);
- собственно патронимическая (отсылка к отцу и через нее — к патриархальной культуре);
- матурационная (признак взрослости);
- статусная (свидетельство положения в обществе);
- гонорификативная (признак уважения);
- конспиративная (попытка скрыть, замаскировать настоящее происхождение);
- дифференцирующая (признак, различающий тезок и однофамильцев).

Использование или избегание отчества в русскоязычном общении имеет важный социолингвистический и прагматический аспекты. С помощью патронима говорящий может выстраивать отношения в микроколлективе и регулировать развитие диалога. Патроним значим и как дискурсивный показатель: его употребление различно в разных видах, стилях, жанрах текстов. Заслуживает научного внимания также восприятие русского отчества в иноязычной среде (факты адаптации патронима, его трансформаций и т. п.). Причем в иноязычной культуре, транслирующей или адаптирующей факты русского социума, используются только некоторые из перечисленных выше функций.

Источники

- Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Большой словарь русских прозвищ. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru
Формановская Н., Тучны П. Русский речевой этикет в зеркале чешского. М. : Русский язык ; Прага : Государственное педагогическое издательство, 1986.
ČNK — Český národní korpus. URL: <https://www.korpus.cz>

Исследования

- Кронгауз М.* Русский речевой этикет на рубеже веков // *Russian Linguistics*. 2004. Vol. 28. P. 163–187.
Норман Б. Ю. Отчество ученого как лингвистическая проблема // *Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст : материалы теоретического семинара «Русский глагол» (XIV Кузнецовские чтения) (29 сентября — 1 октября 2004 г.) / под ред. Л. Г. Бабенко.* Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 60–62.
Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017.
Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. М. : Наука, 1981.
Супрун А. Е. О прагматической парадигме русского личного имени собственного // *Русистика — Russistik*. 1993. № 2. S. 43–53.
Феоктистова Л. А. Антропонимы в апеллятивных обозначениях хмельных напитков (*ерофеич, ероха, ивашко, иванушко* и др.). DOI 10.15826/vopg_opom.2017.14.2.013 // *Вопросы ономастики*. 2017. Т. 14. № 2. С. 100–114.

Рукопись поступила в редакцию 13.12.2019

* * *

Норман Борис Юстинович

доктор филологических наук,
 профессор кафедры теоретического
 и славянского языкознания
 Белорусский государственный университет
 220030, Белоруссия, Минск, ул. К. Маркса, 31
 E-mail: boris.norman@gmail.com

Norman, Boris Yustinovich

DrHab, Professor, Department of Theoretical
 and Slavic Linguistics
 Belarusian State University
 31, Karl Marx Str., 220030 Minsk, Belarus
 Email: boris.norman@gmail.com

Райнохова Наталья

кандидат филологических наук
 Институт восточноевропейских исследований
 Карлова университета
 116 38 Czech Republic, Prague 1,
 Jan Palach Square, 2
 E-mail: natalie.rajnochova@ff.cuni.cz

Rajnochová, Natalja

PhD, Institute for East European Studies
 Charles University
 2, Jan Palach Square, 116 38 Prague 1,
 Czech Republic
 Email: natalie.rajnochova@ff.cuni.cz

Boris Yu. Norman***Natalja Rajnochová*****Belarusian State University
Minsk, Belarus**Charles University
Prague, Czech Republic**PATRONYMIC AS A SYMBOL OF RUSSIAN CULTURE**

The paper discusses the place of patronymic in the Russian anthroponymicon and the evolution of its functions in modern society. The functional aspect is studied using examples from fiction and journalism, a significant part of the factual material being retrieved from the National Corpus of the Russian language and (for comparative purposes) from the Czech National Corpus. Apparently, the use or avoidance of patronymic in Russian-language communication has important sociolinguistic and pragmatic implications. Using a patronymic, the speaker can manage group relationships and regulate the development of conversation. The article considers specific communicative situations such as wishing to hide an unpleasant or “dangerous” patronymic, omission of patronymic in creative circles (musicians, artists, actors, etc.), addressing “only by patronymic,” etc. A particular focus is made on the perception of the Russian patronymic name in a foreign language context (cases of adaptation, omission, transformation of a patronymic, etc). On the functional side, patronymics may denote nationality (seen as a particularly “Russian” trait) and patronymic relation per se (by referring to the father and patriarchal culture). They can be a sign of maturity (as a designation of a grown-up person), status (position in society), and respect. Likewise, they can be used for differentiation (distinguishing namesake people) or concealing (disguising the true family background). The authors also analyze the use of the patronymic-based word-formation pattern for creating nicknames, brand and product names (pragmatonyms), and company names

(ergonyms). The latter cases (the Erofeich liqueur, Sam Samych dumplings, Semyonovna seeds, Petrovich building materials store, etc.) may attest to a positive connotation the patronymic has in the Russian worldview.

К е у о р д с: middle name (patronymic), anthroponymy, Russian culture, functions of the patronymic, adaptation of the patronymic, hedging, pragmatics.

- Feoktistova, L. A. (2017). Antroponimy v apelliativnykh oboznacheniiakh khmel'nykh napitkov (*erofeich, erokha, ivashko, ivanushko* i dr.) [Anthroponyms in Russian Appellative Names for Alcoholic Drinks (*erofeich, erokha, ivashko, ivanushko*, etc.)]. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 100–114. doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.013
- Krongauz, M. (2004). Russkii rechevoi etiket na rubezhe vekov [Russian Speech Etiquette at the Turn of the Century]. *Russian Linguistics*, 28, 163–187.
- Norman, B. Yu. (2004). Otchestvo uchenogo kak lingvisticheskaia problema [The Researcher's Middle Name as a Linguistic Problem]. In L. G. Babenko (Ed.), *Obraz cheloveka i chelovecheskii faktor v iazyke: slovar', grammatika, tekst: materialy teoreticheskogo seminara "Russkii glagol" (XIV Kuznetsovskie chteniia) (29 sentiabria — 1 oktiabria 2004 g.)* [The Image of a Person and the Human Factor in the Language: Dictionary, Grammar, Text: Proceedings of the Theoretical Seminar "Russian Verb" (14th Kuznetsova Readings) (September 29 — October 1, 2004)] (pp. 60–62). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Norman, B. Yu. (2017). *Pragmatischenkii potentsial russkoi leksiki i grammatiki* [The Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.
- Superanskaya, A. V., & Suslova, A. V. (1981). *Sovremennye russkie familii* [Modern Russian Surnames]. Moscow: Nauka.
- Suprun, A. E. (1993). O pragmatischenkoi paradigme russkogo lichnogo imeni sobstvennogo [On the Pragmatic Paradigm of the Russian Personal Proper Name]. *Rusistika — Russistik*, 2, 43–53.

Received on 13 December 2019